

Осипова Марина Петровна

**МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОПЕКАЕМЫХ МАЛОЛЕТНИХ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ
ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье на широком круге архивных источников исследуется имущественное положение опекаемых малолетних крестьян Тамбовской губернии в конце XIX - начале XX вв. Автором уточняется тезис о материальном характере института опеки в крестьянской среде.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/36.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 152-157. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

17. **Соколов А. Ф.** Замечания на проект устава об опеках и попечительствах. Киев: Тип. Императорского университета св. Владимира, 1892. 54 с.
18. **Трубцкой П. П.** По поводу предстоящей реформы опекунского дела. Одесса: Тип. штаба Одесского военного округа, 1892. 40 с.
19. **Труды X съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний.** Пг., 1914.

LEGISLATIVE INITIATIVES CONCERNING GUARDIANSHIP AMONG PEASANTS AT THE END OF THE XIXTH - THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES

Marina Petrovna Osipova
Department of Native History
Lipetsk State Pedagogical University
osipovamp@yandex.ru

The article presents the characteristic of tutorial reform projects at the end of the XIXth - the beginning of the XXth centuries in relation to peasantry. The author undertakes the attempt to prove that notwithstanding the limited character of the documents of 1891 and 1915 their creators undertook the adequate for their time attempts to limit the number of guardianships dependent on class peasant tutorial bodies. This measure can be estimated as a positive though quite limited step towards the final solution of the question about the non-class character of guardianship institution in Russia having at the same time evident shortages.

Key words and phrases: guardianship; trusteeship; legislative initiatives; project; reform; non-class character.

УДК 947.081.11

В статье на широком круге архивных источников исследуется имущественное положение опекаемых малолетних крестьян Тамбовской губернии в конце XIX - начале XX вв. Автором уточняется тезис о материальном характере института опеки в крестьянской среде.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; опека над малолетними; имущественное положение; материальный характер опеки.

Марина Петровна Осипова

Кафедра отечественной истории

Липецкий государственный педагогический университет

osipovamp@yandex.ru

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОПЕКАЕМЫХ МАЛОЛЕТНИХ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]

Недостатки, характеризующие состояние социальной сферы современной России, главным последствием которых является угрожающий рост числа детей, находящихся в зоне социального риска, делает актуальным изучение и применение положительного исторического опыта организации попечения о детях-сиротах, опирающегося на национальные корни милосердия, ярчайшим выразителем которого является крестьянство.

Уникальность пореформенного института опеки в крестьянской среде заключалась в том, что он функционировал преимущественно на базе обычного права, основывался на традиционных нравственных представлениях народа о милосердии, социальной справедливости, человеколюбии. В практике народного права воплощалось крестьянское представление о правопорядке, находившее свое отражение в том, каким образом мир решал различные проблемы, в том числе и в социальной сфере.

Решение вопроса о материальном положении находившихся под опекой малолетних является важным, так как позволяет определить отношение крестьянства к сиротам. Кроме того, оно помогает составить более четкое представление о характере опеки в быту изучаемого сословия, то есть определить, носило ли установление опеки в деревне материальный характер и вводилось лишь над сиротами, родители которых оставили после себя имущество, или устанавливалось в отношении всех осиротевших малолетних независимо от их обеспеченности.

Вопрос о материальном положении опекаемых сирот до настоящего времени отдельно не изучался. Некоторое внимание он получил у дореволюционных исследователей народно-юридических обычаев крестьянства по опеке (П. Г. Тимофеева [23], П. С. Цыпкина [25], С. В. Пахмана [20] и др.), которые в обоснование немногочисленности случаев опеки в крестьянском быту приводили тезис о материальном характере опеки у крестьян, связывая установление опеки с имущественной обеспеченностью малолетнего сироты.

Так, С. В. Пахман в работе «Обычное гражданское право в России» (СПб., 1879 г.) редкость случаев назначения опеки у крестьян объяснял тем, что «хотя по понятиям крестьян, как и по закону, опека относится

не только к имуществу, но и к личности малолетнего, но если у последнего особого имущества нет, то ... опека считается ненужной, и обыкновенно не назначается» [Там же, с. 347].

Видимо, имущества умерших родителей должно было быть достаточно для обеспечения за его счет опекаемого на все время опеки. Ведь в большинстве случаев опека хотя и рассматривалась как общественная повинность, но не подразумевала под собой обязанности содержать подопечного за свой счет.

Если материальное положение малолетних опекаемых крестьян до настоящего времени не исследовалось, то утверждение о тяжелом положении сирот, безучастном отношении к ним мира является типичным для всех периодов российской историографии. В значительной степени эта традиция унаследована у современников, поскольку российская дореволюционная периодика была переполнена свидетельствами о многочисленных фактах отбирания сиротской земли, незаконной продажи опекаемого имущества малолетних [1; 8, с. 2; 11-17; 24, с. 4-5].

Изучение материального положения малолетних опекаемых на территории Тамбовской губернии в конце XIX - начале XX вв., предпринятое на широком комплексе архивного материала из фондов Государственных архивов Воронежской, Липецкой, Тамбовской областей, позволяет опровергнуть тезис о безучастном отношении мира к оставшимся без попечения малолетним. Кроме того, анализ уровня материальной обеспеченности опекаемых сирот позволяет уточнить тезис о материальном характере института опеки в крестьянском быту.

Следует отметить, что вопрос определения критерия материальной обеспеченности представляет значительную сложность. Реалии жизни и быта изучаемого сословия, обеспечивавшего себя за счет труда на земле, выдвигали на центральное место особую ценность в первую очередь земельной обеспеченности.

В отношении сирот обозначенная проблема стояла более остро. Сложность, с которой была сопряжена процедура продажи как недвижимого, так и движимого имущества подопечных, равно как и процедура получения банковских вкладов на имя сирот с целью поиска средств на содержание опекаемых, позволяет также выдвигать на первый план в вопросе имущественной обеспеченности малолетних фактор земельной обеспеченности, не оставляя, однако, без внимания наличие у них неземельного имущества.

Анализ архивных материалов представляет возможным определить уровень материального благополучия малолетних, опираясь на степень земельной обеспеченности последних. Она складывалась из таких показателей, как наличие у лица усадебной и наделной земли, а также всех других категорий земель, которыми могли пользоваться опекаемые, отдельное место в указанной группе, как правило, занимали купленные земли.

Документы из фондов ГАТО и ГАВО позволяют оперировать ограниченным количеством данных при анализе уровня землеобеспеченности опекаемых малолетних. В нашем распоряжении имеются данные по единичному числу волостей четырех уездов Тамбовской губернии, а именно Борисоглебскому, Козловскому, Липецкому и Спасскому уездам, за период 1913-1917 гг. [2; 5, оп. 3, д. 178-а*; оп. 4, д. 1227, 1742-о, 2089, 2178; 6, д. 3, 5]. Тем не менее, и указанные сведения, полученные из анализа 839 опеки, могут представлять большую значимость, так как являются естественной выборкой, а значит, представляют собой достоверную информацию об уровне земельной обеспеченности находившихся под опекой сирот в Тамбовской губернии.

Из 839 опеки, в отношении которых имеются данные по исследуемому вопросу, около 80% имели в числе имущества опекаемых усадебную землю. Размер последней был неодинаковым и отличался не только в масштабах губернии, но и в масштабах уезда. Средний размер усадьбы на опеку по губернии составлял 627 кв. саж.

Несколько лучше состояла обеспеченность малолетних подопечных душевыми наделами. Анализ указанной группы источников свидетельствует, что чуть более 90% опеки имели в составе недвижимого имущества наделную землю. Эти данные опровергают распространенное среди современников мнение об устойчивой в крестьянском быту практике отбирания земли у сирот [16, с. 1-2]. За подавляющим большинством сирот, находившихся под опекой, в Тамбовской губернии общество сохраняло землю, проявляя таким образом заботу о малолетних, руководствуясь принципами крестьянской справедливости.

Средний размер указанной категории земли находился в пределах от 2,5 до 4,5 дес. на опеку, что по губернии составляло в среднем около 3,36 дес. Надел, приходившийся на одного опекаемого, включая лиц как мужского, так и женского пола, находился в пределах 1,5-2,25 дес. Следовательно, на каждого сироту приходилось по губернии в среднем 1,81 дес.

Сравнение установленного размера надела, приходившегося на каждого сироту, со средним размером надела, приходившегося на наличную мужскую душу в Тамбовской губернии, позволяет утверждать, что размеры сиротских наделов были сопоставимы со средним размером надела по губернии. Так, в 1900 г. средний размер надела, приходившийся на наличную мужскую душу в губернии составлял 2 дес. [9, с. 49]. Принимая во внимание тенденцию к постепенному уменьшению размера наделов в результате естественно-го прироста крестьянского населения, можно предположить, что средний размер надела, установленного в 1900 г., мог только уменьшиться к 1913-1917 гг., данные о которых мы имеем в отношении опеки.

Реформа П. А. Столыпина, ознаменовавшая новый этап в развитии земельных отношений внутри крестьянства, предоставляла возможность укрепления земли в личную собственность. Вводившаяся правительством мера упрощала материальное положение крестьян и особенно положение малолетних опекаемых, ведь владение землей на правах собственника могло гарантировать, что данный вид имущества малолетнего не подвергнется влиянию периодически проводившихся в обществе земельных переделов.

Изучение сводных ведомостей, содержащих сведения о состоянии 839 опеки в отдельных волостях означенных четырех уездов, свидетельствует о том, что уровень укрепления земли, находившейся в опеках, соответствовал этому показателю по Тамбовской губернии. По данным на 1 мая 1915 г., 24% всех домохозяев в Тамбовской губернии, владевших землей на общинных правах, укрепили землю в личную собственность [21, с. 65-66]. Доля опеки в Тамбовской губернии, земля в которых была укреплена, по данным 1913-1917 гг., составляла 23,6% [2; 3, оп. 3, д. 72-а, 178-а*; оп. 4, д. 304-а, 1227, 1742-о, 1758, 1759-в, 2089, 2178; 6, д. 3, 5].

При этом число укрепленных усадеб значительно отставало от числа укрепленных наделов. Если число укрепленных душевых наделов, по данным за 1913-1917 гг., составляло около 24% от количества всех земель данной категории, имевшихся в распоряжении подопечных сирот, то число укрепленных усадеб составляло, по данным отдельных волостей Борисоглебского, Козловского, Липецкого и Спасского уездов, лишь около 2% [2; 5, оп. 3, д. 72-а, 178-а*; оп. 4, д. 304-а, 1742-о, 1758, 1759-в, 2089, 2178, 2271; 6, д. 3, 5]. Это означало, что лишь каждая пятидесятая опека имела в составе имущества укрепленную усадьбу.

Значительно меньшую долю в землевладении опекаемых крестьян по сравнению с обозначенными ранее группами земель составляли купчие земли.

Анализ сводных ведомостей по опекам, а также отдельных опекунских дел свидетельствует о том, что число опеки, в имуществе которых имелись купчие земли, было незначительным. Последние, учитывая материальный уровень изучаемого сословия, составляли исключение для крестьянских хозяйств, в том числе и для тех, в отношении которых назначалась опека. Так, из 937 рассмотренных нами случаев опеки (839 из которых отражены в сводных ведомостях по опекам, а остальные 98 представлены отдельными опекунскими делами) лишь в 68 в состав подопечного имущества входила купчая земля, что составляет около 7%. Данный тип земель был встречен в волостях восьми из 12 уездов изучаемой губернии. В большинстве случаев купчие земли являлись дополнением к имевшимся усадебным и наделным участкам, входившим в имущество опекаемых, и состояли в числе совместного пользования с кем-либо из родственников малолетних.

Размер участков указанной группы земель был неодинаков и колебался в размере от полутора до нескольких десятков десятин. Примечательно, что большее число случаев покупки земли, а также значительно больший размер самих купчих участков отмечался в основном в волостях северных уездов губернии. В частности, в Азеевской волости Елатомского уезда на 16 опеки над малолетними приходилось четыре, в имуществе которых находились купленные участки, достигавшие 20 [5, оп. 4, д. 2089, л. 65] и даже 50 десятин [Там же, л. 90].

Другие примеры приобретения значительных по размеру участков земли были встречены в Майданской волости Спасского уезда [Там же, д. 1227, л. 22], а также в Сафоновской волости Усманского уезда [4, л. 5]. При этом в последней из указанных волостей на 22 опеки приходилось 6 имевших в числе имущества «прикупленную землю». Средний размер последней был также достаточно велик и составлял около 7 дес., при этом лишь в одном случае участок купленной земли состоял в совместном пользовании сироты, дяди и деда [Там же, л. 8], а остальные - только в собственности опекаемых.

Отмеченная особенность, позволяющая относить большее число опеки, в имуществе которых имелась купленная земля, а также опеки с наибольшими размерами купленных участков к определенным, преимущественно северным, уездам Тамбовской губернии, является отражением тенденции, происходившей в крестьянстве данного региона, и не связана с особенностями института крестьянской опеки.

Современные тамбовские исследователи С. А. Есиков и В. Н. Шмарин, изучившие динамику частного крестьянского землевладения в Тамбовской губернии в конце XIX - начале XX вв., выявили факторы, способствовавшие образованию крупной личной крестьянской собственности в данных уездах. К ним были отнесены, в частности, высокий процент дворянского землевладения во второй половине XIX в. и наименьшая доля дворянского землевладения в начале XX в., низкая общесословная величина среднего участка владения, преобладание в структуре частного крестьянского землевладения коллективной собственности обществ и товариществ [7, с. 11]. Это означает, что малый размер наделных участков, установленных в отношении крестьян данных уездов, вынудил их активно искать способы решения проблемы малоземелья. Этим способом стал для них путь кооперации и коллективной покупки крупных участков земли у разорявшихся помещиков, живущих по соседству, посредством Крестьянского банка.

«Анализ материала свидетельствует о том, что с середины 1880-х гг. преимущественно в северных уездах Тамбовской губернии, где преобладало дворянское землевладение, началась активная скупка крупных дворянских имений крестьянскими обществами и товариществами», - отмечают исследователи. «Одновременно с этим процессом происходило укрупнение личной крестьянской собственности в уездах со средними и низкими показателями среднего участка владения», - делают вывод С. А. Есиков и В. Н. Шмарин.

Тем не менее, можно констатировать тот факт, что в подавляющем большинстве случаев величина купленных участков, находившихся в составе опеки, не превышала нескольких десятин. Средний же размер купленных участков, входивших в опеки, по всем уездам, данные о которых мы имеем, значительно уступал среднему размеру всех купленных участков по губернии - 1,15 дес. против 41,2 дес. соответственно [22, с. 264-265, 268]. Это свидетельствует о том, что крестьянские сироты, в отношении которых устанавливалась опека, в подавляющем большинстве были материально обеспечены, но не относились к категории зажиточных крестьян. Следовательно, можно утверждать, что хотя опека в крестьянской среде и носила материальный характер, это не означает, что она устанавливалась только в отношении зажиточных сирот, а лишь в отношении малолетних, имевших какое-либо имущество.

Кроме описанных выше категорий земель, иногда в состав подопечного недвижимого имущества входили земли так называемого четвертного права, составлявшие особую категорию наделных земель. Данный вид недвижимого имущества малолетних в делопроизводстве некоторых волостей выделялся отдельно от принадлежавших опекаемым наделных и усадебных земель. В частности, в ряде опеков, установленных на территории Спасского уезда, в числе земельного имущества подопечных указывалась «четвертная земля». Размер указанной группы земель был весьма значительный по размеру, по данным сводных ведомостей за 1914 г., только по Зарубкинской волости на 6 опеков приходилось 21,5 дес. земли четвертного права, и это помимо усадеб и наделов, находившихся под опекой [5, оп. 4, д. 2089, л. 48].

Можно предположить, что сохранившееся выделение этого вида земель в отдельную категорию вплоть до 1914 г. свидетельствует о значимости для крестьянского восприятия особого статуса четвертного землепользования. «Существование этого явления в социально-экономической жизни деревни было важно как попытка альтернативного, внеобщинного хозяйствования, построенного на праве подворно-наследственного владения землей» [7, с. 5], - справедливо отмечают С. А. Есиков и В. Н. Шмарин. Видимо, такое восприятие четвертного владения сохранялось у крестьянства и в начале XX в. вплоть до революции 1917 г.

Анализ архивных документов свидетельствует о том, что у подавляющего большинства малолетних, находившихся под опекой, имелась земля того или иного рода, вместе с тем встречались подопечные, не имевшие земельной собственности. Доля безземельных опеков, по имевшимся в нашем распоряжении данным восьми уездов Тамбовской губернии, составляла 3,5% от числа всех опеков над малолетними. Сравнение выявленных данных со сведениями о количестве всех безземельных крестьян по губернии (4%) [10, с. 5] позволяет утверждать об их соответствии. Это свидетельствует о том, что данные по опекам отражают общее состояние жизни и быта крестьянского сословия в конце XIX - начале XX вв., и опровергает тезис, согласно которому опека в крестьянском быту устанавливалась лишь в отношении зажиточных сирот.

1% от общего числа опеков составляли подопечные, которые не имели никакого имущества (39% всех безземельных опеков) и относились к категории материально необеспеченных. Значительная часть таких сирот содержалась за счет отчимов [5, оп. 4, д. 1742-о, л. 19, 21] или опекунов-родственников [Там же, л. 5, 37], находились в услужении [Там же, л. 71].

Некоторым из малолетних назначались пособия, так как их отцы погибли на войне, а значит, опекаемые частично содержались за счет денежных пенсий. В ряде дел имеются указания на то, что опека была «назначена над личностью и на предмет получения пенсии за погибшего отца» [Там же, л. 6]. Имеющиеся источники не позволяют судить как о размерах указанных пособий, так и о том, какая часть материально необеспеченных сирот их получала.

Остальные опеки имели в составе имущества либо неземельные активы (22% от числа всех безземельных опеков), либо денежные вклады на имя малолетних (39% от всех опеков, не имевших в числе подопечного имущества землю).

Подавляющее большинство безземельных опеков назначались над представительницами женского пола, а значит, не имели землю «за ненаделением при переделе» [Там же, л. 2, 7]. В частности, в одном из опекунских дел, установленных над сиротой А. Катасоновой в Моисеевско-Алабуховской волости Борисоглебского уезда, в описи имущества значилась формулировка «так как сирота девица, землей не наделена» [2, л. 5].

Кроме того, отсутствие в числе имущества опекаемых малолетних усадебной и наделной земли могло являться следствием того, что их отец ушел из семьи своих родителей без раздела, а следовательно, не получил землю [5, оп. 4, д. 2178, л. 44], или выдела несовершеннолетних с опекуншей-матерью из состава крестьянского двора уже после смерти отца [Там же, д. 1742-о, л. 19, 21]. Источники свидетельствуют о том, что в аналогичных случаях земля оставалась в семье прежнего домохозяина, а отделившиеся получали, как правило, лишь часть движимого имущества либо денежную компенсацию взамен утерянной земли [Там же, д. 1227, л. 15].

Изучение материальной обеспеченности малолетних крестьян, находившихся под опекой, было бы неполным без рассмотрения неземельного имущества, принадлежавшего подопечным лицам. В указанную группу входило, как правило, все недвижимое имущество за исключением земли, то есть дом и хозяйственные постройки, а также движимое имущество и денежные вклады на имя опекаемых. В некоторых документах из состава движимого имущества выделялся в отдельную категорию живой и мертвый инвентарь, под первым понимался имевшийся в хозяйстве рабочий скот, под вторым - орудия труда.

При подсчете стоимости неземельного имущества малолетних нами были объединены все указанные группы, включая денежные вклады, живой и мертвый инвентарь.

В итоге стоимость неземельных активов 67% всех имевшихся в нашем распоряжении данных по 839 опекам не превышала 200 рублей (из указанных опеков 38% имели имущество, не превышавшее по своей стоимости 100 рублей). Цена имущества 26% опеков находилась в пределах от 200 до 500 рублей. На долю самых обеспеченных опеков, со стоимостью имущества, превышавшего 500 рублей, приходилось около 7%.

Характеризуя материальное положение опекаемых, следует отметить, что случаи, когда сумма имущества, находившегося под опекой, была значительной, как правило, являлись примером совместного владения им со стороны малолетнего и родственника-опекуна либо малолетнего и старших неразделенных с ним членов семьи. Несмотря на то, что во всех документах, касавшихся опеков, делопроизводители должны были указывать подобные факты, тем не менее, изучение материалов по опеке свидетельствует о том, что это требование выполнялось не всегда.

Около 15% опеки не имели никакого имущества, кроме земельного. Обычно в этом случае подопечные проживали у опекунов. Последними часто являлись родственники сирот: деды, дядя, отчимы. Как правило, дом и имевшиеся хозяйственные постройки во избежание их скорой порчи с согласия схода продавались, а деньги клались в банк под проценты до совершеннолетия опекаемых.

Значительная часть опеки имела в составе имущества денежные капиталы. Анализ размера денежных вкладов позволяет утверждать, что больше половины из них не превышали 100 рублей. Четвертая часть находилась в границах от 100 до 200 рублей. Вклады размером от 200 до 1000 рублей составляли около 12%. Более тысячи рублей составляли лишь 3% всех вкладов на имя малолетних. Таким образом, лишь малая часть малолетних, в отношении которых были установлены опеки, могут быть отнесены к категории зажиточных крестьян, большая же часть из них к данной группе не относилась.

Источником получения средств для вкладов были деньги, полученные при разделе [Там же, д. 1742-о, л. 4, 7; д. 2178, л. 3, 6, 31], реже при продаже имущества, в частности построек [Там же, оп. 3, д. 178-а*, л. 7; оп. 4, д. 1742-о, л. 14; д. 2178, л. 30]. Лишь в одном из рассмотренных нами источников содержится указание на то, что денежные средства, превращенные во вклад, были получены от продажи земли [6, д. 3, л. 4], что доказывает большое значение, придававшееся крестьянами земле, не позволявшее им даже в случае острой нужды продавать ее.

Вклады на имя малолетних обычно содержались в государственной сберегательной кассе [5, оп. 4, д. 2178, л. 5], реже - в Тамбовском государственном банке [Там же, л. 75] или кассе волостного правления [Там же, д. 1742-о, л. 12].

Изучение материального положения малолетних, находившихся под опекой, было бы неполным без рассмотрения вопроса о долгах, которые имелись на имя сирот. Представляет необходимость определение числа опеки, за которыми числились долги, их размер, а также источники возникновения.

Из рассмотренных нами данных по 839 опекам долги значились лишь в 48 случаях, что составляет около 6% от всех опеки.

Чуть более 40% долгов, имевшихся на имя малолетних, не превышали 50 рублей. Одна пятая часть находилась в пределах 50-100 рублей. Около 30% приходилось на долги размером от 100 до 200 рублей. И лишь 6% составляли недоимки более 200 рублей.

Около половины всех долгов значились по податным документам за неуплату повинностей, лежавших на опекаемых. Около четверти недоимок составляли долги кредитным товариществам за приобретение разного рода имущества (23%), такое же количество приходилось на долговые обязательства перед частными лицами (за текущие расходы, устройство похорон, свадеб), 6% - по векселям за покупку земли. Наибольшие по размеру недоимки составляли долги последней категории, а именно за покупку земли. Примечательно, что показатели о доле опеки, за которыми числились долги за покупку земли, соотносятся с данными о числе опеки, в имуществе которых имелась купчая земля (7%).

Разные по размеру и характеру долговые обязательства, числившиеся за опеками, свидетельствуют о неодинаковом материальном положении их подопечных, некоторые из которых очевидно терпели нужду, относясь к числу бедных слоев крестьянства.

Таким образом, изучение состояния опекунского дела исследуемого региона подтверждает материальный характер опеки в крестьянской среде. Тем не менее, следует заметить, что на практике фактор материальной обеспеченности малолетнего в качестве одного из значимых оснований, влекущих к учреждению опеки по представлениям крестьянства, заменялся фактом наличия у малолетнего имущества. Указанная разница между тем, как в теории понималась материальная обеспеченность малолетнего, и как ее понимание интерпретировалось на практике, объясняется, на наш взгляд, реалиями жизни и быта изучаемого сословия. Материальная обеспеченность подопечного подразумевает наличие у него такого количества имущества, за счет которого было бы возможно содержать малолетнего в течение всего периода опеки. В действительности же основанием к учреждению опеки выступал сам факт наличия у опекаемого какого-либо имущества, независимо от того, представлялось ли возможным за его счет содержать малолетнего или нет.

Большая часть находившихся под опекой лиц относились к категории материально обеспеченных. Это сироты, имевшие земельные наделы. Часть опеки, имевших в составе лишь движимое имущество, могли быть названы материально обеспеченными лишь условно. Около одного процента опеки не могли даже условно быть отнесены к категории материально обеспеченных, так как не имели никакого имущества. Можно предположить, что установление в деревне опеки последнего рода - свидетельство активной работы земских начальников, стремившихся обеспечить условия для того, чтоб все малолетние сироты, независимо от их материальной обеспеченности, были охвачены официальными опеками.

Делая вывод об уровне материальной обеспеченности малолетних представителей крестьянского сословия, в отношении которых были установлены опеки в Тамбовской губернии, представляется возможным предположить, что он соответствовал общему уровню благосостояния крестьянского населения региона. Изучение заявленной проблемы не обнаруживает фактов, свидетельствующих об ущемлении имущественных прав опекаемых малолетних как со стороны мира, так и со стороны частных лиц, а значит, позволяет подвергать сомнению тезис о плачевном материальном положении опекаемых сирот в конце XIX - начале XX вв.

Список литературы

1. **Бржеский Н.** Очерки юридического быта крестьян. СПб.: Тип. В. Кишбаума, 1902. 193 с.
2. **Государственный архив Воронежской области (ГАВО).** Ф. 165. Оп. 1. Д. 1.
3. **Государственный архив Липецкой области (ГАЛО).** Ф. 47. Оп. 1. Д. 11.
4. **Там же.** Ф. 49. Оп. 1. Д. 22.
5. **Государственный архив Тамбовской области (ГАТО).** Ф. 26.
6. **Там же.** Ф. 266. Оп. 1.
7. **Есиков С. А., Шмарин В. Н.** Динамика частного крестьянского землевладения в Тамбовской губернии в конце XIX - начале XX веков. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005.
8. **Земский начальник. Опекунское дело у крестьян** // Гражданин. 1894. № 36. С. 2.
9. **Зырянов П. Н.** Крестьянская община Европейской России: 1907-1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.
10. **Иванюков И.** Падение крепостного права в России. Изд-е 2-е. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1903.
11. **Исполатов В.** Крестьянские сироты // Юридическая газета. 1900. № 86. С. 2-3.
12. **Исп-тов В.** Пасынки крестьянского самоуправления: о судьбе крестьянских сирот // Гражданин. 1899. № 13. С. 1-2.
13. **Крестьянская опека** // Неделя. 1899. № 40. С. 1307.
14. **Крестьянская опека и ее упорядочение** // Россия. 1900. № 370. С. 2.
15. **Крестьянские опеки: передовая статья** // Московские ведомости. 1894. № 273. С. 2.
16. **Крестьянские опеки. Церковные попечительства, недостатки положения о них:** корреспонденция из Павлодарского уезда // Судебный вестник. 1875. № 56. С. 3.
17. **Крестьянские сироты и опекунская часть в деревне** // Московские ведомости. 1896. № 116. С. 1-2.
18. **Кусаков М. Ф.** Призрение сирот крестьянского сословия в первом участке Духовщицкого уезда Смоленской губернии. Смоленск: Паровая типолитография Я. Н. Подземского, 1898. 76 с.
19. **Мантейфель А. П.** Детское горе: из воспоминаний мирового судьи // Юридический вестник. 1889. Т. 3. Кн. 4. С. 584-598.
20. **Пахман С. В.** Обычное гражданское право в России: юридические очерки. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1879. Т. II. Семейное право, наследство и опека. 400 с.
21. **Россия 1913 г.:** статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995.
22. **Статистика землевладения: Тамбовская губерния.** СПб., 1906. Вып. 20.
23. **Тимофеев П. Г.** Опека в обычном праве крестьян // Вестник права. 1903. Кн. 5-6. С. 1-36.
24. **Тифлов К. А.** По вопросу об опеке в крестьянском быту // Саратовские губернские ведомости. 1889. № 6. С. 4-5.
25. **Цыпкин П. С.** Опека в крестьянском быту // Тенишев В. В. Административное положение русского крестьянина: своды данных, добытых этнографическими материалами покойного кн. В. Н. Тенишева: приложение. СПб.: Типогр. А. С. Суворина, 1908. 156 с.

**CIRCUMSTANCES OF JUVENILES UNDER WARDSHIP AMONG PEASANTS IN TAMBOV PROVINCE
AT THE END OF THE XIXTH - THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES**

Marina Petrovna Osipova
Department of Native History
Lipetsk State Pedagogical University
osipovamp@yandex.ru

In the article the property status of juvenile peasants under wardship in Tambov province at the end of the XIXth - the beginning of the XXth centuries is researched by the wide range of archive sources. The author specifies the thesis about the material character of guardianship institution among peasants.

Key words and phrases: peasantry; guardians over juveniles; property status; material character of guardianship.